

С. В. Гнутова, К. А. Щедрина

КИЙСКИЙ КРЕСТ, КРЕСТНЫЙ МОНАСТЫРЬ
И ПРЕОБРАЖЕНИЕ САКРАЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА В ЭПОХУ
ПАТРИАРХА НИКОНА

Три монастыря XVII в., связанные с именем патриарха Никона, — Иверский Валдайский, Крестный на Кий-острове и Воскресенский Новый Иерусалим неоднократно привлекали внимание исследователей¹, однако лишь немногие работы посвящены неординарному замыслу их иконографической программы². Еще прот. Лев Лебедев отмечал, что для наиболее полного понимания идей и конкретно-исторических целей, которые преследовали патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, необходимо рассматривать идею создания трех монастырей как реализацию единого сакрального архитектурно-топографического комплекса на территории Русской Земли.

Несомненно, что в качестве заказчика и ктитора обители следует рассматривать не только патриарха Никона, но и царя Алексея Михайловича. Во-первых, все три обители были задуманы и заложены в момент наибольшей близости патриарха и царя, причем последний не только жертвовал большие средства на строительство, но и отменил

¹ Библиографию исследований по истории Крестного монастыря на Кий-острове см.: *Кольцова Т. А.* Новые данные по строительной истории Крестного монастыря // Памятники архитектуры Русского Севера. Архангельск, 1998, с. 266–297; *Севастьянова С. К.* Грамота патриарха Никона о Крестном монастыре // Ставрографический сборник. Вып. III. М., 2005, с. 336–403.

² Из ряда исследований следует выделить работы о. Льва Лебедева, посвященные биографии и трудам патриарха Никона, в том числе его «богословие в камне». *Лебедев Лев, протоиерей.* Богословие Русской земли как образа обетованной земли Царства Небесного (на некоторых примерах архитектурно-строительных композиций XI–XVII веков) // Тысячелетие крещения Руси: международная церковно-историческая конференция. Киев, 21–28 июля 1986 г. Материалы. М., 1988. Т. 2, с. 86.

для трех новых «ставропигий»³ патриарха Никона действовавшие со времен Соборного уложения 1649 г. ограничения на приобретения монастырями земельных вотчин⁴. Более того, предание гласит о наречении Воскресенского монастыря под Москвой «Новым Иерусалимом» самим царем во время посещения торжеств, связанных с закладкой и освящением первого храма, и благоговейном принятии этого наречения патриархом⁵. Во-вторых, о признании царем особого значения монастырей говорит их судьба после ссоры между царем и патриархом и последовавшим вскоре оставлением Никоном Московской кафедры. До собора 1666 г. и заточения патриарха Никона за Валдайским, Подмосковным и Кийским монастырями был сохранен статус «ставропигиальных», оставлены пожалованные и приобретенные земли, продолжалось выделение средств на строительство⁶. Продолжение строительства в начале 1660-х гг. в Воскресенском и Крестном монастырях, несмотря на оставление кафедры и внешнюю размолвку с царем, говорит, по нашему мнению, о важности царского замысла, который был известен лишь патриарху Никону как «собинному другу» и не мог быть передоверен никому другому. Именно этим можно объяснить и выжидающую позицию царя в деле об осуждении Московского патриарха, и нарочито властное поведение во время конфликта самого патриарха Никона, как будто имеющего своему поведению некое основание.

Для всех трех монастырей характерно использование единого типа ландшафтно-архитектурной моделировки сакрального пространства — естественный или искусственный остров, окружение монастыря водой, общность строительных приемов⁷.

Иконографическую программу каждого из монастырей пронизывают три идеи, развитие которых происходит в каждом конкретном случае в соответствии с выбранными сакральными образцами. Это — перенесение одного из образов Православного Востока, соотнесение монастыря с одним из трех русских духовно-политических центров и трансформация соединенных воедино двух географических реалий в

³ Греч. Σταυροπῆγιον — крестоводружение. Подробнее об этом обычае см.: Щедрина К. А. Царей держава. Реликвии и символы Креста и Страстей Христовых в церковном освящении государственной власти. М., 2000 (гл. «Царская ставропигия»); она же. «Малый Иерусалим» царя Феодора Алексеевича // Искусство Христианского мира. Вып. 7. М., 2003.

⁴ Митр. Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. VII. М., 1996, с. 133–134.

⁵ Зеленская Г. М. Святыни Нового Иерусалима. М., 2002, с. 15.

⁶ Митр. Макарий (Булгаков). История Русской Церкви, с. 133–134; Кольцова Т. А. Новые данные по строительной истории Крестного монастыря // Памятники архитектуры Русского Севера. Архангельск, 1998. 266–297, с. 15–22.

⁷ Эти особенности отмечали еще первые исследователи строительной деятельности патриарха Никона М. А. Ильин и Г. А. Алферова.

один из аспектов образа рая⁸. Рассмотрим подробнее предложенную интерпретацию на примере Кийского Крестного монастыря.

Предыстория сооружения монастыря такова⁹. В 1639 г., будущий патриарх Никон, тогда еще иеромонах Анзерского скита Соловецкого монастыря, после конфликта с основателем скита преп. Елеазаром решает покинуть монастырь. Во время морского путешествия на материк в устье Онежской губы его застигает буря. Спасшись у берега острова Кий, Никон в ознаменование спасения водружает на нем деревянный крест. Через несколько лет, будучи уже новгородским владыкой, он вновь отправляется на Соловки за мощами святителя Филиппа. Проплывая мимо Кий-острова и увидев сохранившийся поклонный крест, Никон возобновляет обет о постройке монастыря, посвященного Св. Кресту¹⁰.

В 1656 г., обратившись к царю Алексею Михайловичу с просьбой о пожаловании выбранной земли, патриарх Никон получил грамоту, в которой царь разрешал на о. Кий «церковь поставить и монастырек соорудить»¹¹. В 1657 г. на остров был торжественно отправлен уникальный крест-мошевик в меру Креста Христова (310×192) в сопровождении, как сообщает монастырское предание, стрельцов и пушек¹².

Несомненно, светский и церковный владыка, затеяв подобное деяние, преследовали определенные духовно-политические цели, веря в силу кийской святыни, которая, находясь в сооруженном специально для нее монастырском комплексе, имеющем строго продуманную иконографическую программу, являла собой действующий реликварий, служащий переориентации духовных, геополитических и социально-экономических приоритетов, что в сознании средневековья не мыслилось вне духовной сферы и осуществилось, как это можно проследить из истории XVIII в., в эпоху великих преобразований Петра I.

⁸ Подробнее о развитии этих сюжетов в иконографических программах каждого из трех монастырей см.: *Щедрина К. А.* Некоторые историко-богословские аспекты монастырского строительства патриарха Никона // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». М., 2003, с. 17.

⁹ Об истории сооружения монастыря говорит сам патриарх Никон в своей «Грамоте о сооружении Крестного монастыря» (опубликована в: *Лаврентий, архим.* Краткое известие о Крестном Онежском монастыре Архангельской епархии, М., 1805) и Иван Шушерин, клирик патриарха Никона (*Иван Шушерин.* Известие о рождении и воспитании и житии святейшего Никона, патриарха Московского и всея России // Патриарх Никон — протопоп Аввакум. М. 1997).

¹⁰ Сведения о Крестном монастыре собраны в брошюре, изданной храмом преп. Сергия в Крапивниках в Москве, где в настоящее время хранится Кийский крест-мошевик: *Кийский крест патриарха Никона / Сост. Осипенко М. В. М., 2000.*

¹¹ *Лаврентий, архим.* Краткое известие о Крестном Онежском монастыре Архангельской епархии. М., 1805.

¹² Православные русские обители. Репринт. СПб., 1994, с. 53.

Неслучайным был, прежде всего, выбор места расположения монастыря. Его название и топографические особенности ландшафта говорят о том, что, возможно, на острове в какое-то время находилось языческое святилище, как это нередко было на островах Беломорья. Вероятно, святилище было связано с культом камня, о чем говорит само название острова.

Монастырское предание приписывает «наречение» имени острова — Кий — самому патриарху Никону. Согласно легенде, будущий патриарх, тогда еще иеромонах, после размолвки с преп. Елеазаром Анзерским в 1639 г. отправился с Соловков на материк. В пути его застигла буря, и корабль прибило к небольшому островку. Выйдя на берег, Никон якобы спросил: «Кий сей остров?» Так как остров оказался совершенно пустынным, никому не известным и не имеющим никакого наименования, то иеромонах Никон сказал: «Так пусть же этот остров называется Кий!»¹³ и поставил на нем деревянный крест. В 1652 г. Никон, уже митрополит Новгородский, был послан на Соловки за мощами святителя Филиппа Московского. На обратном пути будущий патриарх побывал и на Кий-острове. Увидев свой крест нетронутым, он повторил обет о сооружении на острове монастыря.

Легендарный характер повествования о названии острова очевиден. Во-первых, о нем ничего не говорит Иван Шушерин, клирик патриарха, написавший подробное «Известие о рождении и воспитании и житии святейшего патриарха Никона», а такая деталь наверняка не ускользнула бы от внимания одного из преданных слуг и почитателей патриарха. О безымянном острове ничего не говорит и сам патриарх Никон в грамоте на устройство Крестного монастыря. И в «Известии», и в «Грамоте» название «Кий» воспринимается как некая данность. Шушерин пишет об «острове, нарицаемом Кий»¹⁴, патр. Никон вспоминает в грамоте «спасение получихом пред Онежским устьем к пристанищу к Кию-острову»¹⁵.

Очевидно, что остров еще до посещения его иеромонахом Никоном имел название Кий. В противном случае вряд ли новое название прижилось бы так быстро. Проще предположить, что безымянный остров

¹³ Там же, с. 52. Изложенное предание повторяется практически во всех изданиях XIX и XX вв. На наш взгляд, оно появилось в качестве ответа паломникам на вопрос о происхождении названия острова, что свидетельствует об устойчивом интересе к этимологии «Кий» и необходимости ее доступного объяснения.

¹⁴ *Иван Шушерин*. Известие о рождении и воспитании и житии святейшего Никона, патриарха Московского и всея России // Патриарх Никон — протопоп Аввакум. М., 1997, с. 18.

¹⁵ *Лаврентий, архим.* Краткое известие о Крестном Онежском монастыре Архангельской епархии, с. 2.

после основания на нем монастыря мог получить имя, связанное с посвящением обителя Св. Кресту.

Нам кажется правильнее считать название острова существовавшим до патриарха Никона и происхождение слова связывать, подобно этимологии «Валаам», «Соловки», «Онега» и другие, с финно-угорскими языками. Обрусевшие финны и карелы — основное коренное население Русского Севера, поэтому большая часть географических названий региона имеет финские корни. Представляется возможным производить «Кий-остров» от карельского или эстонского *kivi* — камень, *kiug* — скала, или *kiuga* — каменный топор¹⁶.

Как известно, Крестный монастырь стоит практически на голой гранитной скале, даже престол Крестовоздвиженского собора высечен из цельного камня, и название острова вполне оправдано географически. «Кий» или «киюра» использовалось и в архангельском диалекте русского языка для обозначения «остроконечного каменного молота» или «бульжника с вицевою обвязкою для забойки кольев»¹⁷. Во всех вариантах с корнем «кий» связывается «камень».

В то же время в славянских языках «кий» — палка, пест, посох, дубинка¹⁸. На севере «кий» употребляется не только как «камень», но «каменный молот или топор». Интересно, что в таком значении слово встречается уже в ранних русских памятниках — в Изборнике Святослава 1073 г., в Суздальской летописи (под 1216 г.), где означает и молот кузничный, и боевое оружие¹⁹. Таким образом, в этимологии «кий» соединяются архетипы дерева и камня, и перепосвящение острова Св. Кресту вписывается в семантику архетипа Креста, утвержденного на Голгофе, как образа творения мира, гармонизации хаоса и утверждения власти.

Култ священных камней неотделимо связан с почитанием божества-громовника, особенно распространенным на Севере, не только в Скандинавии, но и в областях расселения финских и карельских племен. Достаточно вспомнить известные соловецкие лабиринты и карельские петроглифы.

В финно-угорской мифологии место скандинавского Тора занимает Таара (саам. Тиермес), у карелов и финнов Русского Севера называвшийся также Укко (эст. Уко) или Кыу, Эйке — персонификация грома

¹⁶ Матвеев А. К. Происхождение основных пластов субстратной топонимики Русского Севера // Вопросы языкознания. 1969. № 5.

¹⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Репринтное издание. М. 1994. Т. 2, с. 113.

¹⁸ Фасмер М. Этимологический словарь. СПб. 1996. Т. 2, с. 321, 343.

¹⁹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Репринтное издание. М. 1989. Т. 1. Ч. 2. Стб. 1416.

и молнии. Основные атрибуты Укко-Кыу — молния, топор, меч и молот. Можно предположить, что название беломорского острова Кий происходит не только от «камня», но связано с языческим культом божества-громовника Укко-Кыу-Эйке-Тора. В таком случае выбор патриархом Никоном места для Крестного монастыря представляется неслучайным, и мотив спасения во время бури в 1639 г. становится лишь легендой, прикрывающей его идолоборческие намерения.

Некоторые исследователи связывают с этимологией «кий — молот, дубинка» имя легендарного основателя Киева. В. В. Топоров и В. Н. Иванов пишут: «Возможно, имя Кий происходит от *kij — обозначения божественного кузнеца, соратника громовержца в его поединке со змием»²⁰. Иными словами, происхождение названия города может быть связано с культом громовержца, в славянской мифологии — Перуна, аналога скандинавского Тора. Молот — необходимый атрибут этого языческого божества, которым он сражается с мировым змием (у скандинавов — Ёрмундгардом). Первоначально молот Тора мыслился каменным, но в «Младшей Эдде» речь идет уже о железном оружии.

Как отмечает современный исследователь Русского Севера Н. М. Терехин, основание монастыря практически всегда было связано с определенными духовными задачами, способствующими христианизации края, и место для будущей обители выбиралось особенно тщательно. «История монастырского строительства показывает, — пишет Н. М. Терехин, — что святые подвижники стремились не просто к уединению, но устроили свои отшельнические скиты и кельи в самом центре сакральной географии языческого мира — там, где располагались инородческие святилища и могильники. Наложение христианской системы координат на языческую топографию <...> породило новую систему сакральных ценностей, приводило к переосмыслению семантики аборигенных культовых мест»²¹.

Косвенным подтверждением предположения о том, что некогда на острове мог существовать культ поклонения камню, можно, по-видимому, считать и тот факт, что в XIX в монастырской усыпальнице хранился «большой, более сажени в длину, камень, на котором первоначально был водружен первый крест патр. Никона. На этом камне был поставлен деревянный гроб с ликом преп. Иоанна Яренгского, в котором ранее хранились его мощи»²².

²⁰ Иванов В. В., Топоров В. Н. Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976, с. 109–128.

²¹ Терехин Н. М. Семиотика пространства культуры народов Европейского Севера. Автореф. дис. ... докт. истор. наук. СПб., 1995, с. 17–18.

²² Православные русские обители, с. 55.

Наиболее известные северные монастыри, находящиеся на месте бывших языческих святилищ, — Валаамский, Коневецкий и Соловки. И если монастырские предания Коневца и Валаама сохранили сведения о ранее существовавших в тех местах капищах, то на Соловках о дохристианской истории острова могут рассказать только археологические раскопки и исследования лабиринтов и могильников.

Возможно, подобное культовое святилище или культовое место могло располагаться и на Кий-острове. Учитывая, что данный вопрос для окончательного выяснения требует дополнительного тщательного натурного археологического и этнографического исследования, укажем лишь, что патриарх Никон, будучи постриженником Соловецкого Анзерского скита, особенно хорошо был знаком с подробностями религиозной жизни Русского Севера. Знал он и о соловецких артефактах (возраст соловецких каменных груд и лабиринтов колеблется от III–II тысячелетия до н. э. до XII–XV вв. н. э.).

Символическая программа Крестного монастыря, задуманного в комплексе с Валдайским Иверским и Воскресенским подмосковным монастырями патриархом Никоном, по-видимому, вместе с царем Алексеем Михайловичем, воплотила одну из граней символики рая, образа Обетованной земли на далеком северном острове.

Для именованя обители Крестной, по всей видимости, могли быть и далекие от личных аскетических устремлений патриарха Никона (в память спасения и промыслительно сохранившегося через 13 лет на острове креста) державно-строительные причины, связанные с языческой семантикой атрибута. Возможно, посвящение обители на острове Св. Кресту связано с «замещением» языческого культа громовержца и его орудия поклонением «Оружию Небесного Царя Христа». «Кий» — дубинка, посох, молот, может быть связано и с греческим *σταυρος* — крест, в первоначальном значении «палка, шест, кол». Сам патриарх Никон чаще всего называл свой монастырь Ставрос или Крест — именно в форме существительного, что, во-первых, подчеркивало важность помещенной на острове святыни — креста-мощевика, а во-вторых, указывало и на название места.

Иконографическая программа каждого из трех монастырей объединяла святыню Востока с русской исторической и топографической ситуацией, реализуя тем самым средневековую идею *translatio loci* — перенесения и освящения места, основанную на толковании слов Священного Писания: «Горы Сионския, ребра северова, град Царя великаго» (Пс. 47: 3). Каждый из монастырей патриарха Никона был поставлен недалеко от одного из трех прославленных русских политических и духовных центров — Соловков, Новгорода и Москвы, являясь своего рода их «священными двойниками». С другой стороны, все три мона-

стыря патриарха Никона были созданы как подобию святых мест Христианского Востока. И если для Нового Иерусалима таким прототипом послужили исторические сооружения иерусалимского храма Гроба Господня, для валдайского Иверского — одноименный монастырь на Афоне и собирательный образ горы Афон вообще, то для монастыря на Кий-острове вопрос о прототипе остается открытым.

В «Грамоте на устроение Кийского монастыря» патриарх Никон пишет о собрании в кресте-реликварии благодати святых мест Палестины, одновременно там же упоминается и некий монастырь Ставрос на Афоне, созданный, согласно «Грамоте», еще императором Константином Великим²³.

Однако семантика посвящения храмов монастыря говорит о других параллелях. Главный собор Кийской обители был посвящен, согласно замыслу заказчика, Воздвижению Честного и Животворящего Креста Христова. Крест-реликварий, являющий собой иконографический тип «креста Константина», фланкированный двумя иконами с изображением святых равноапостольных царей Константина и Елены, царя Алексея Михайловича, царицы Марии Ильиничны и патриарха Никона, располагается на месте храмового образа слева от царских врат рядом с иконой Спасителя. Надписи на свитках предстоящих Кийскому кресту свидетельствуют в пользу того, что под Воздвижением Креста посвящения монастырского собора понималось, в первую очередь, не столько обретение святыни Животворящего Древа в Иерусалиме в IV в., но скорее видение небесного Знамени Креста императором Константином и создание им драгоценного креста — знамени-лабарума, а также утверждение на о. Кий уникальной реликвии русским царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном²⁴.

Царские и патриаршие портреты, были помещены в трех монастырях патриарха Никона, и, по всей видимости, должны были замещать ктиторов у святыни в их отсутствие, указывать на постоянное молитвенное обращение к Богу именно в том месте, где были расположены парсуны, что можно назвать и «мысленным паломничеством». Известно, что патриарх Никон неоднократно приглашал Алексея Михайловича посетить и Воскресенский, и Иверский монастыри, но царские паломничества осуществлены не были (Алексей Михайлович побывал в Новом Иерусалиме на освящении деревянного Воскресенского храма еще до начала постройки основных сооружений обители), хотя государь и не отказывался совершить богомолье в новые монастыри.

²³ *Лаврентий, архим.* Краткое известие о Крестном Онежском монастыре Архангельской епархии. Грамота...

²⁴ *Щедрина К. А.* Крест императора Константина Великого (К вопросу иконографии) // Ставрографический сборник. Кн. 2. М., 2003, с. 55–66.

Можно предположить, что значение личного предстояния у святыни имели не только портреты ктиторов и заказчиков в молении, но и поминание, и вклады в далекие храмы и монастыри, а также домашняя молитва перед списком с чудотворной иконы или частицей реликвии, принесенной из паломничества. Именно так можно объяснить появление в Теремных церквях и палатах Московского Кремля в царствование Феодора Алексеевича икон-копий, изображающих Кийский крест-мощевик и окружающие его иконы-портреты с предстоящими реликвии святыми равноапостольными Константином и Еленой, царем Алексеем Михайловичем с супругой и патриархом Никоном²⁵. Молитва перед такой иконой становилась равносильной молитве перед самой островной святыней. Иконы-парсуны, изображающие островную реликвию, в течение XVIII–XIX вв. распространились по всей России²⁶.

Представляется, что иконы-портреты, написанные, по-видимому, с согласия самого царя, можно считать одним из способов выполнения Алексеем Михайловичем (а возможно, и его сыном Феодором Алексеевичем) обещания посещать святые обители, которые должны были занять важное место в церковно-государственной политике царя и патриарха.

Помещение патриархом Никоном креста-реликвария в монастыре на Кий-острове подобно известному по «Повести временных лет» воздвижению креста на Киевских горах апостолом Андреем Первозванным, прорекшим славное будущее Русской Земле, тем самым символически соотнося его с библейским архетипом утверждения здания на камне (Мф. 7, 25).²⁷

Второй храм монастыря был посвящен празднованию Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня. Нам неизвестно, предполагались ли патриархом Никоном какие-либо «ставропигийные» изменения в чине монастырского богослужения в связи с акцентацией темы Св. Креста в иконографии монастырского комплекса. Однако, вспоминая историю и смысл праздника Происхождения Честных Древ в контексте русских реалий Крестного монастыря, следует отметить константинопольское происхождение праздника. Первого августа совершался общегородской крестный ход — святыня Честного Креста выносилась за пределы дворца и торжественно, с остановками для молебных пений и литаний, шествовала по городу к св. источнику, нахо-

²⁵ Соколова И. М. Новый Иерусалим в Кремле. Незавершенный замысел царя Федора Алексеевича // Макарьевские чтения. Вып. VII. Можайск, 2001, с. 499–514.

²⁶ Постернак О. П. «Поклонение Кийскому кресту» и его повторения в XVIII веке // Оригинал и повторение в живописи. Экспертиза художественных произведений. М., 1988, с. 47–60.

²⁷ Малышевский И. Е. Придорожные кресты // Ставрографический сборник. Кн. 1. М., 2001, с. 17–78.

дившемуся за стенами города у монастыря Всемилоостивого Спаса, где совершалось водоосвящение. Затем Святое Древо выставлялось для поклонения в храме Св. Софии и возвращалось в царскую сокровищницу на праздник Успения Божией Матери 14/28 августа²⁸.

В монастырском храме Происхождения Честных Древ на Кий-острове во время посещения его патриархом Никоном в 1661–1662 гг. был вырыт колодец для водоосвящения²⁹. Вероятно, празднование престольного праздника храма должно было сопровождаться каким-то особым ритуалом, сведения о котором до нас не дошли. Необходимо также отметить, что в Московском царстве, в особенности в XVII в., 1 августа, согласно летописным свидетельствам, вспоминался день Крещения Руси в Киеве. И именно в XVII в. празднование этого дня в Москве приобретает широкий размах и сопровождается царским выходом на берег Москвы-реки (сохранилось описание крестного хода в царском дворце Коломенское) для участия в водоосвящении, соотносясь с легендарными киевскими событиями.

Таким образом, учитывая полисемантический характер иконографии монастырского комплекса, можно предположить, что прототипом для Крестного монастыря служили на Христианском Востоке Константинополь, столица Византийской империи, а на Русской земле — Киев. С Киевом Крестный монастырь связывает сам патриарх Никон. В грамоте на устройство Крестного монастыря он говорит, что один из трех крестов, созданных императором Константином Великим, был принесен в Киев святым князем Владимиром и сейчас охраняет и дарует победы благочестивому царю Алексею Михайловичу³⁰. Помимо высказанной выше ассоциативной связи водружения креста-реликвария на о. Кий с установлением апостолом Андреем Первозванным поклонного креста на Киевских горах, интересно отметить, что в XVII в. в Киеве храм на легендарном месте крестоводружения (ныне знаменитый Андреевский спуск) был посвящен Воздвижению Честного Креста (так же как и собор Крестного монастыря), и только позже получил имя Андреевского.

Соблазнительно также связать фонетическую близость топонимов Киев и Кий с решением царя об устройстве на отдаленном северном острове грандиозного по замыслу и масштабу исполнения монастыр-

²⁸ *Архиеп. Сергей (Спасский)*. Полный месяцеслов Востока. Т. 2. Владимир, 1901, с. 295–298.

²⁹ *Кольцова Т. А.* Новые данные по строительной биографии Крестного монастыря // Памятники архитектуры Русского Севера. Архангельск, 1998.

³⁰ *Севастьянова С. К.* Грамота патриарха Никона о Крестном монастыре // Ставрографический сборник. Кн. 3. М., 2005, с. 336–403.

ского комплекса, образующего вместе с двумя другими ставропигиальными монастырями патриарха Никона так называемую «кризисную сеть»³¹. Наше предположение подтверждается и тем, что в 1656 г. еще свежи были события, связанные с вопросом о воссоединении Украины с Россией (1648 г.). Декларативно и завоевание Константинополя с целью освобождения восточных христиан от турецкого гнета и воссоздания христианской империи было провозглашено главной целью русской внешней политики, однако ни при Алексее Михайловиче, ни при его преемниках-сыновьях этот утопический проект начат не был.

Для чего же в самый разгар русско-шведской войны царю и патриарху необходимо было совершить такое масштабное предприятие, как торжественная перевозка чуть ли не через всю страну (около 1000 км) драгоценнейшего (даже в материальном смысле) креста-мошевика, в состав которого входило около 300 частиц мощей и реликвий Святой Земли, и сооружение каменного ставропигиального монастыря на самой окраине государства?

Интересно рассмотреть факт изнесения Креста сначала из Палестины в Россию, а затем из Москвы на северный остров в контексте реализации священного библейского образца принесения ветхозаветной жертвы вне стана и совершившейся по ее подобию Крестной Жертвы Спасителя за стенами Иерусалима на Голгофе, в связи с чем «Кийский проект» приобретает черты «жертвы в основании царства»³².

Предлагаемое истолкование находит подтверждение в иконографической программе самого креста, по счастью сохранившегося до нашего времени. Ко времени получения патриархом Никоном 13 июня 1656 г. царской грамоты о построении Крестного монастыря на Кий-острове в Москву был привезен изготовленный в Палестине по просьбе патриарха Никона Крест «из дерева кипарисного в высоту и ширину во всем подобен мерою Кресту Христову»³³.

Сам святейший патриарх «обложил [его] серебром и золотом и драгоценным камением, и бисером украсил», положил в нем святых мощей до трехсот, «понеже иные мощи сокровены в том Честном Кресте и ут-

³¹ Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М., 2003.

³² Об этом см.: Плюханова Н. Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995, с. 145–170.

³³ Кийский крест патриарха Никона / Сост. Осипенко М. В. М., 2000; Кольцова Т. М. «Крестовый образ» Кийского Крестового монастыря // Научно-исследовательская работа в художественном музее. Сб. статей. Вып. 1. Архангельск, 1998, с. 14–32; Гнутова С. В. Кийский крест // Патриарх Никон. Облачения, личные вещи, автографы, вклады, портреты: Каталог выставки. М., 2002, с. 72–75. Кат. № 29; Гнутова С. В. Крест в России. М., 2004, с. 62–67, илл. 44–46.

верждены без надписания под честными резными кипарисными кресты и под звездами и под плащаницами кругловидными». Шесть резных афонских кипарисных крестов (в настоящее время один из них утрачен) с изображением двенадцатых праздников и евангелистов врезаны в вертикальное древко креста. На Кресте смонтированы 18 восьмиконечных звезд, в которые вставлены камни из святых мест Палестины.

На Кресте находятся также 104 серебряные пластины с гравированными изображениями святых, чьи мощи сокрыты под ними. Пластины были исполнены русскими мастерами-резчиками в довольно короткий срок в большой спешке. Изображения выполнены несколькими серебряниками разного профессионального уровня с ориентацией на иконописные прорисы и иконные образцы. Часть дробниц отличается высоким качеством техники резьбы и виртуозностью мастерства, в других же видна упрощенная манера резьбы.

На кресте были закреплены два серебряных золоченых ковчегных, содержащих наиболее значимые святыни: «Часть Святыя и Животворящая Крови Господни, часть Святыя Ризы Господни, часть Млека Пресвятыя Богородицы, часть крови Иоанна Предтечи, часть крови апостола Павла и часть самого Древа Креста Господня», во втором ковчеге находилась «часть самага же Древа Креста Господня весом 65 золотников, к которой и ныне прикладываются богомольцы». Оба ковчег, к сожалению, не сохранились, но их изображения видны на иконах XVII–XIX вв. с изображением Поклонения Кийскому Кресту³⁴.

Такая грандиозная иконографическая программа самого Креста не имеет аналогов ни в византийском, ни в западном, ни в русском искусстве. Кийский Крест — это грандиозный реликварий. Необходимо отметить редкостное единство замысла: Крест-реликварий как центр, средоточие благодати, святости; иконы предстоящих; храм, монастырь, остров. Сочетание Креста, икон и находящегося за ними пространства — абсолютно сакральный замысел.

При переносе Креста из Москвы на всем пути его к Беломорью при остановках на ночлег изготавливались копии креста и освящались «на благословение». Это своеобразная попытка «излучения святости» на огромном пространстве севера России.

Для средневековой Руси была характерна сокровенность святынь, в отличие от их открытости на Западе. Для западной традиции была важна демонстрация святыни, на Руси же святыни скрывались в мощевиках.

В Кийском Кресте сосредоточены палестинские святыни и реликвии, частицы мощей вселенских святых и одновременно русских подвижников. Такого уровня святыни, заключенные в Кресте, свидетельст-

³⁴ Кийский крест патриарха Никона / Сост. М. В. Осипенко. М., 2000.

вуют об исключительной роли создаваемого креста-реликвария. Многие из редких реликвий Креста были взяты из ризницы придворного Благовещенского собора и Образной палаты Теремных церквей Московского Кремля. Об этом свидетельствует сопоставление состава мощей, помещенных в Кресте, и Описей Образной палаты 1669 г. и Благовещенского собора 1680–1681 гг.³⁵ Одновременно перечень более 80 частиц святых мощей, хранившихся в Ново-Иерусалимском монастыре при патриархе Никоне, приведенных в описи 1679 г. почти полностью совпадает с вложениями Кийского Креста³⁶. Эти факты свидетельствуют о специальной программе создаваемого памятника.

Известно, что царь Алексей Михайлович проявлял особую заботу о создаваемой обители. Неслучайно почти одновременно с посылкой на Кий-остров самого креста туда же отправляются иконописные изображения предстоящих Кресту — «писанные на досках образа» царя Константина и царицы Елены, царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны, а также самого патриарха Никона.

Позднее для Распятской церкви в Московском Кремле в 1677–1678 гг. выполняется на холсте подобие посланного на Кий-остров комплекса «Поклонение Кресту»³⁷. Впоследствии, вплоть до XIX столетия, в Кийском монастыре писались паломнические иконы с подобным сюжетом и рассылались по всей России³⁸.

Мощи, вложенные в Кийский Крест, можно объединить в несколько символически значимых комплексов. Это мощи покровителей царского рода Рюриковичей и династии Романовых: св. Иоанн Предтеча, небесный покровитель царя Ивана IV, вмч. Феодор Стратилат — патрональный святой царя Феодора Иоанновича; преп. Михаил Малетин — тезоименитый святой Михаила Феодоровича Романова, св. Алексий, Человек Божий — святой покровитель царя Алексея Михайловича.

Одновременно прослеживается тема святых раннехристианских воинов-мучеников, пострадавших за веру и являющихся небесными защитниками Отечества от врагов. Это вмч. Георгий, Димитрий, Прокопий, Феодор Стратилат и Феодор Тирон, Меркурий и Никита. Одним из важнейших комплексов Кийского Креста являются мощи русских святых. Среди них святые князья, святители и преподобные. Усопшие князья воспринимались, в первую очередь, как молитвенники за Русь

³⁵ Журавлева И. А. Ковчеги-мощевик Благовещенского собора // Христианские реликвии в Московском Кремле / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2000, с. 128–134.

³⁶ Зеленская Т. М. Святыни Нового Иерусалима. М., 2002.

³⁷ Соколова И. М. Указ. соч.

³⁸ Например, икона «Кийский крест» с надписью «Соловецкий монастырь 1728 год» (ГИМ, № 58610, ИВШ 3380. 68×43 см) была экспонирована на выставке «Крест — хранитель вся Вселенная...», ЦМиАР, 7 ноября — 27 сентября 2005 г.

скую Землю. Это святые князя Александр Невский, Владимир Ярославич, Георгий Всеволодович и Роман Угличский. Культ святителей в Русской Церкви восходит к истории вселенского святительства. В нем прослеживается тема общественного и государственного служения одновременно с защитой чистоты веры, а также соединение иноческого и мирского с особым церковным служением. В Кийском Кресте находятся мощи митрополитов Московских Петра, Алексея, Ионы и Филиппа, а также архиепископов Ионы Новгородского и Гурия Казанского.

Не меньшее значение для России имеет культ преподобных отцов. Становление московской государственности было освящено покровительством русских преподобных. В Кийском Кресте заключены мощи преподобных Сергия, игумена Радонежского (†1382), Евфимия, архиепископа Суздальского (†1404), Саввы Сторожевского (†1406) и блаженного Иакова Боровичского (†1504).

Хотелось бы упомянуть о редких изображениях на Кресте: муч. Христофора, Спиридона Тримифунтского и женских образах. Так, мощи муч. Ирины практически не встречаются в русских крестах-мошевицах. Интересен вопрос об отсутствии некоторых особо почитаемых святых: свят. Николая, преп. Зосимы и Савватия Соловецких.

И еще немаловажный факт. Митрополит Филипп (Колычев), Савва Сторожевский и Иаков Боровичский были причислены к лику святых и прославлены в 1650-е гг., во время правления Алексея Михайловича и патриаршества Никона. Эти факты свидетельствуют о стремлении к созданию Вселенской православной империи во главе с Москвой — правопреемницей Константинополя.

Таким образом, соединение посредством вложения соответствующих мощей в одном реликварии двух духовно-плотских «генеалогий» — царской (патрональные святые, князья и воины-мученики) и святительской (святители и русские святые) — говорит о заложенной в иконографической программе памятника идее симфонии духовной и светской власти на Русской Земле, идеальных отношений между государственной и духовной властью, знаменующих образ рая, Царства Небесного.

Такая «концентрация» святости в одном памятнике являет зримый образ Царства Небесного и, вполне возможно, так же как и архитектурный замысел патриарха Никона — Новый Иерусалим или Российская Палестина, содержит идею восточно-христианского месецеслова. Такое количество заключенных в крест мощей могло составлять годовые святцы. Патриарх Никон, создавая Кийский Крест, стремился передать в нем черты Небесного первообраза — райского града Иерусалима, одновременно вложив в него эсхатологические представления.

Svetlana Gnutova, Xenia Schedrina

*Andrei Rublev State Museum of Medieval Russian Culture and Art,
St Tychon Theological Institute, Moscow*

THE HOLY CROSS MONASTERY, THE KYI CROSS
AND THE TRANSFIGURATION OF THE SACRED SPACE
IN THE AGE OF PATRIARCH NIKON

Three 17th century monasteries, related to the figure of the Patriarch Nikon — Iviron on Valdai, the Holy Cross Monastery on Kyi island, and the Resurrection Monastery of Novyi Ierusalim — have frequently attracted scholarly attention, primarily due to their unusual conception. In order to fully realize the ideas and specific historical aims pursued by the founders of the three monasteries, the Patriarch Nikon and the Czar Aleksei Mikhailovich, their foundation must be regarded as an integral conception of new sacred space in the Russian Land.

Characteristic of all three monasteries is the use of a uniform type of landscape and architectural shaping of the environment: a natural or artificial island, the monastery surrounded by water, common construction methods. Three core ideas permeate iconographic programs of each of the three monasteries, ideas which are in each case developed according to the selected sacred models. This includes translation of a certain relic-icon from the Orthodox Orient, correlation of the monastery with one of the three Russian spiritual and political centers, and transformation of the two combined geographic realia into an image of the Paradise.

Iconographic program of each of the three monasteries combined a sacred object from the Orient with a Russian historical and topographic situation, thus putting into practice the medieval principle of *translatio loci* (translation of a sacred place), based on the exegesis of a saying from the Sacred Scripture (Ps 47:3). Each of the Patriarch Nikon's monasteries was placed not far from one of the three famed Russian political and spiritual centers — Solovki, Novgorod, and Moscow, representing their "sacred doubles" of a kind. All three of the Patriarch Nikon's monasteries were created as imitations of the holy places of the Christian East. Now, while historical buildings of Jerusalem Church of the Holy Sepulchre served as prototype for Novyi Ierusalim, and Iviron Monastery of Mt. Athos as well as general image of the entire mountain — for the monastery of the same name on Valdai, the question of the prototype for the monastery on Kyi island remains open.

As is well-known, in 1656 the Patriarch Nikon decided to build a monastery dedicated to Holy Cross on Kyi island. Upon request to the Czar Aleksei Mikhailovich to grant the selected land, the Patriarch Nikon received a document, by which the Czar permitted to "build a church and construct a (small) monastery" on Kyi island. In 1657 a unique reliquary cross in the

measure of Christ's Cross (310×192) was solemnly dispatched to the island, accompanied, as the monastery tradition maintains, by streltsi guard with canons. The secular and the ecclesiastical ruler by undertaking such an enterprise undoubtedly pursued specific spiritual and political aims, believing in the power of Kyi shrine, which, being placed within a monastery compound specially built for it and containing a strictly designed iconographic program, represented a working reliquary that served to re-orient spiritual, geopolitical, and socio-economic priorities.

The Kyi Cross concentrates Palestine sacred objects and relics, particles of relics of ecumenical saints and of Russian holy men at the same time. Many of the rare relics of the Cross were taken from the treasury of the court Annunciation Cathedral and from the Image Chamber of Moscow Kremlin. This is established by comparing the composition of the relics placed in the Cross with the Inventories of the Image Chamber from 1669 and of the Annunciation Cathedral from 1680–1681. At the same time the list of over 80 particles of holy relics, which were kept in the Monastery of Novyi Ierusalim (New Jerusalem) under the Patriarch Nikon, coincide almost completely with the composition of Kyi Cross relics. These facts testify for a special, royal design of the object to be created. It is well-known that the Czar Aleksei Mikhailovich demonstrated special care for the monastery under construction. It is no accident that almost simultaneously with dispatching of the Cross itself, icon representations of adorers of the Cross were sent to the same destination: the images, "painted on boards", of the Emperor Constantine, of the Empress Helen, of the Czar Aleksei Mikhailovich and Czarina Maria II'inichna, as well as of the Patriarch Nikon himself. Later, in 1677–1678, an imitation of the "Adoration of the cross" complex was painted on canvas for the Crucifixion Church in Moscow Kremlin. Later on, up until the 19th century pilgrim icons of the same contents were painted in Kyi Monastery and sent all around Russia.

The relics placed within the Kyi Cross can be grouped together into several combinations with symbolic meaning. The most important are the relics of heavenly protectors of the royal family of Riurikovichi and of Romanovs dynasty: St John the Baptist — heavenly protector of the Czar Ivan IV; the martyr Theodore Stratelates — the saint patron of the Czar Feodor Ivanovich; St Michael Maleinos — the namesake saint of Mikhail Fedorovich Romanov; St Alexius the Man of God — the saint patron of the Czar Aleksei Mikhailovich. At the same time the theme of military martyr saints of the early Church can also be traced, saints who suffered for the faith and became heavenly defenders of the Motherland from its enemies.

By collecting relics of saints from the first to recently glorified ones, the founders strove to present an image of the universal Orthodox Empire with the center in Moscow, as the legal successor of Constantinople. The idea of

“symphony”, of consent between the spiritual and secular power in the Land of Russia, which heralds the image of the Paradise on earth, is also represented in the Kyi Cross. Such concentration of sanctity in one object creates a graphic and multi-layered in time and space image of the Kingdom of Heaven on earth, forming the closest analogy to the Patriarch Nikon’s architectural designs, connected with the foundation of Novyi Ierusalim and of a Russian Palestine. The Cross and architectural and landscape-shaping projects realized an all-embracing national eschatological idea which was worth any effort. They visually confirmed the idea of the leading place of the Russian nation in the quest for the eternal Heavenly City, which will descend from heaven at the end of times.

1. Вид Кийского Крестного монастыря из книги XIX в.

2. Кийский крест в интерьере храма в Крестном Кий-островском монастыре. Гравюра из книги XIX в.

3. Кийский крест. Общий вид

4. Фрагмент вертикального древка: Афонский крест с изображением «Крещения» и 5 пластин

5. Фрагмент вертикального древка: Афонский врезной крест с изображением четырех праздников и 4 пластины

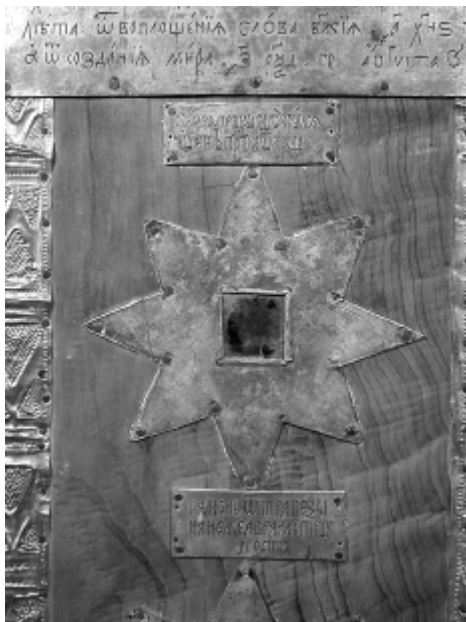
6. Фрагмент вертикального древка с врезным афонским крестом с изображением трех праздников (в центре — «Крещение», вверху — «Благовещение», внизу — «Преображение») и 10 пластин с изображением мучеников и преподобных

7. Фрагмент вертикального древка креста с врезным крестом с изображением четырех праздников (в центре — «Распятие») и 4 пластины

8. Фрагмент вертикального древка креста с изображением восьмиконечной звезды с камнем и изображением новгородских святых

9. Фрагмент вертикального древка креста с изображением восьмиконечной звезды с камнем. Подпись: «Камень пещеры где скрывался Иоанн Предтеча от Ирода»

10. Фрагмент вертикального древка креста с врезным афонским крестом (в центре — «Крещение», вверху — «Сретение», внизу — «Сошествие во ад») и 4 пластины с изображением мучеников

11. Фрагмент горизонтальной ветви креста (левой) с буквами IN и 4 пластины с изображением воинов-мучеников

12. Пластина с изображением Саввы Сторожевского (крупный фрагмент)

13. Фрагмент нижней косой перекладины Кийского креста и гравированная пластина с летописью

14. Фрагмент нижней косой перекладины Кийского креста и гравированная пластина с летописью

15. Крест-копия «мерой и подобием» Кийского креста в действующем храме г. Онега (копия живописная)